

21 августа, после публикации в «Ленинградской правде» воззвания руководителей города к населению Ленинграда о смертельной опасности, в полную меру стала ясна сложность положения города на Неве.

Была введена трудовая повинность, которую установили для юношей с 15 и для девушек с 16 лет, их мобилизовали на строительство укреплений – рыть окопы, строить убежища. Заводским рабочим после 11-часовой смены – три часа на укреплениях. Фактически исчезло само понятие «рабочий день». Каждый житель отдавал производству и обороне 14, 16, 18 часов ежедневно.

На строительство укреплений была отправлена молодёжь из институтов и университета. В отличие от остальных ленинградцев, работавших бесплатно, студенты получали по 9 рублей в день, что было больше, чем стипендия.

В Ленинграде родилась идея сформировать народное ополчение из добровольцев в возрасте от 18 до 50 лет. В первые дни ополчение называли по-разному: «армией добровольцев», «народной армией» или «армией по уничтожению фашизма». Позднее она приобрела официальное название «народный призыв». Из-за нехватки оружия ополченцам раздавали финские ножи – охотничье оружие с длинным лезвием.

Были запрещены гудки фабрик, паровозов, звуки церковных колоколов. Никаких других звуков, кроме сигнала воздушной тревоги.

Ещё в финскую кампанию город погрузился во тьму. У машин появились тускло-голубые фары. На трамваях и в подъездах домов – синие лампочки. Даже постовые милиционеры пользовались фонариками с синим светом.

На второй день войны все приёмники были конфискованы. Те, кто имел радиоприёмник или слушал радио, подлежал расстрелу. Работало только городское радиовещание. Ленинградцы никогда не выключали картонного чёрного репродуктора – ни днём, ни ночью. Радио предупреждало об опасности, радовало отбоем тревоги, связывало с Большой землёй, вселяло надежду.

Была введена обязательная сдача личного оружия для гражданского населения города, сдавали также личные автомобили и велосипеды.

В кинотеатрах демонстрировались военно-патриотические и исторические картины: «За Советскую Родину», «Щорс», «Линия Маннергейма», «Александр Невский», «Всадники» и др.

В начале войны «Ленфильм» выпустил художественный фильм о Чапаеве. Герой гражданской войны, как показано в картине «Чапаев», не погибает от белогвардейской пули, а выплывает из реки на берег... И вот уже конники под руководством Чапаева, с шашками наголо, на боевых конях, под громкое «ура» мчатся на врага, теперь на гитлеровцев.

Фильм вызывал одобрение зрителей, идейно вооружил их и звал на бой с врагом.

Ленинградцы снимали со сберкнижек личные вклады и, отстояв большую очередь, скупали в магазинах всё: икру в трёхлитровых банках, водку, вино, затем – хлеб, сахар, масло, натуральный кофе, сок из чёрной смородины, морскую капусту, папиросы, но делать покупки становилось всё труднее.

С 19 июля были введены карточки на продукты питания и промтовары, в городе открылись коммерческие магазины. В них можно было купить всё что угодно и в любом количестве. Но цены были очень высокие и не каждому гражданину доступные. Люди толпились в этих магазинах, смотрели на цены, и... уходили.

Ленинградских детей в возрасте от 8 до 16 лет обучали рукопашному бою. Их готовили к

Ленинградский метроном

рукопашным боям с противником в Ленинграде.

Подростки ходили по улицам с ведрами белой краски, закрашивая названия улиц и номеров домов. Если немцы прорвутся, отсутствие надписей дезориентирует их, может быть, фашисты вообще заблудятся в лабиринте улиц и домов.

Школьники обшарили все кухни, кладовки, сараи, чердаки и прочие «уголки», собирали пустые бутылки. Ленинградцы изобрели и изготовили самострелы для метания бутылок с зажигательной смесью в фашистские танки. Сделали опытный образец, но внедрению мешала несовершенная в то время горячая смесь (требовалось перед выстрелом зажечь к бутылке большую спичку). Самое простое зажигание бутылочной жидкости (покрытие составом) предложил не Институт прикладной химии, а Институт молочной промышленности. В народе эти бутылки с зажигательной смесью называли «коктейль Молотова», а ещё говорили: «От этой бутылки трещат у немцев затылки».

На реках и каналах города мальчишки собирали лодки, которые использовались на фронте для переправы наших войск, стоявших в верховьях реки Невы у посёлка Невская Дубровка, на левый берег реки в район Невского «пятячка».

Незадолго перед войной какая-то предпринимчивая артель выпустила рамочки – брошки в виде большой пуговицы, куда вставлялась фотография. Носить на груди эти брошки было модно, но затем спрос на эти брошки пропал, и

они лежали на складе забытые. Во время блокады онигодились. Вместо фотографии поверхность брошки смазывали светящимся в темноте составом, и ленинградцы их прикалывали на грудь. С этими «светлячками» люди шагали в полной темноте по улицам и не наталкивались друг на друга. Ленинградские женщины добровольно сдавали в фонд обороны страны свои сбережения и ценности: деньги, золотые и серебряные украшения, ножи, вилки, портсигары. Сдавали американские доллары.

Город менялся с удивительной быстротой. Бумажными полосками люди заклеивали стёкла окон, наивно думая, что при взрывах не будут разлетаться острые осколки оконного стекла и калечить людей. Но когда фашисты стали бомбить город, от взрывов вылетали даже рамы и рушили стены.

8 сентября 1941 года ленинградцы запомнили как «чёрный понедельник». В этот день фашистами был взят Шлиссельбург – всякое сообщение Ленинграда со страной было прервано.

Город был подвергнут жесточайшей бомбёжке. Горели Бадаевские склады в Московском районе. Эти склады построил старый петербургский купец по фамилии Растерьев незадолго до первой мировой войны. Горели запасы муки и крупы, расплавленное масло, сахар и шоколад стекали в подвалы, и всё это просочилось в землю и смешалось с ней. Эта земля и помогла выжить горожанам. Её отогревали в кастрюле, затем несколько раз процеживали через марлю. Сохранялась небольшая муть, но вода была сладкой. При следующем оттаивании появлялись куски спекшегося, обгоревшего сахара, который перебаривали, и получалась черноватая, густая масса, которую ели небольшими кусочками.

Эту землю продавали и обменивали на толкучках продукты и подержанные вещи, которые стихийно стали развиваться на большинстве колхозных рынков, в особенности на Калининском, Кузнечном, Октябрьском, Мальцевском и Сытном. На каждом из вышеупомянутых рынков толкучкою пользовалось население, в среднем свыше тысячи человек ежедневно. Власти вынуждены были легализовать толкучку на колхозных рынках – это облегчило органам милиции вести борьбу со спекуляцией, а городскому управлению рынками позволило взимать с клиентов толкучки жетонный сбор.

Самолёты нападали на Ленинград днём и ночью. Их называли «подлыми иродами».

Фашистские стервятники бросали воюющие, свистящие бомбы, мины-ловушки, иногда в форме детских игрушек, авторучек, зажигалок для папирос. Обрасывали из самолётов целые ящики зажигательных бомб. В воздухе ящики раскрывались, и «зажигалки» падали на землю в разных местах в большом количестве.

Для того чтобы тушить зажигательные бомбы, ленинградцы дежурили на крышах домов. Готовили специальные щипцы для того, чтобы хватать ими зажигательные бомбы, багры, чтобы отталкивать их с крыши, асбестовые рукавицы, чтобы не обжечь при этом руки, маски, чтобы искры не попали на глаза.

Подростки снабжали чердаки песком и водой. Песок возили даже с пляжа Петропавловской крепости.

Не взорвавшимися зажигательными бомбами ленинградцы топили старинные кафельные печи, если они были в квартире. Вывинчивали из «зажигалок» капсулы, клали в печь штук десять – пятнадцать. Из одной бомбы выкрашивали термит и поджигали палочками. Тепло сохранялось дня два-три.

Вражеские зажигательные бомбы были плохого качества. Многие виды этих бомб содержали фосфор, и после воспламенения деревянных построек сами же их и... тушили, так как образовавшаяся при горении плёнка фосфорной кислоты препятствовала распространению пламени.

Поздней осенью 1941 года гитлеровцы перестали кидать «зажигалки», убедившись в том, что они не дают желаемого результата.

В чрезвычайных условиях, в которых находился блокированный Ленинград, всякое фотограмирование и зарисовки внутри города были строжайше запрещены. За соблюдением этого запрета следили милиция, патрули и само население города. Предосторожность была вполне оправдана. Многие здания и объекты были замаскированы, нельзя было облегчать противнику сбор информации о расположении кораблей на Неве, артиллерийских и зенитных батарей, о попадании его бомб и снарядов в цели и причинённых ими разрушениях.

На площадях, на открытых участках земли выстроились аэростаты. В народе их называли «колбасами». Огромные, серебристые, они каждый вечер в сумерки поднимались в небо для защиты города от низколетящих немецких самолётов. Аэростаты были предназначены не допустить пролёта вражеских самолётов для прицельного бомбометания и для уничтожения этих самолётов при налёте их на стальные тросы вооружённых мини-мин, если высота полёта ниже потолка аэростата. Производство их в нашей стране с 1956 года было прекращено.

Уже в октябре начались холода. На фронте от русских морозов лопались гусеницы немецких танков, замерзали и не поворачивались башни.

В быт ленинградцев вошла временная печь – «буржуйка» самых различных видов и конструкций – от большой консервной банки до громоздких сооружений из железа, кирпича и различных подручных материалов.

Появилась забота о спичках. Блокадные спички были особенные. Это небольшой кусок фанеры с зубьями, на которые наносилась сера. Зажигались они с первого маха. Но достать их было трудно, так как на блокированной территории экономилась древесина.

Водопровод и канализация не работали. От холода лопались водопроводные и канализационные трубы, нечистоты заполняли коридоры и ползли по стенкам. Их выбрасывали из окон в пакетах во дворы или даже прямо на улицу. Вынесенные из квартир в ведрах, выливали куда попало на снег. В некоторых дворах выкапывали ямы и огораживали их фанерой – они были общественными туалетами.

Голод многое изменил в людях, в их физиологии, в проявлении пола. Исчезли жизненно важные функции – у женщин прекратились менструации, грудь высохла, на лицах отвисла кожа. Стремления, продиктованные полом, исчезли и им не надо было давать обет сохранять девственность, так как сексуальных стремлений у них не возникало.

Тяжелое положение, созданное блокадой, вызвало к жизни всё низменное и страшное, что в обычных условиях таилось от общества. По мере усиления голода увеличивалось и количество преступлений – спекуляция, хищения, бандитизм, ограбления квартир. Появились преступления, которых до войны не было, – нападения на хлебные магазины и даже людоедство. За это расстреливали.

Мерный звук метронома, доносившийся из громкоговорителей, свидетельствовал о том, что жизнь в городе продолжается – люди живут, надеются и не сдаются.

Все коренные ленинградцы помнят, как весной 1942 года вдруг возникла и молниеносно распространилась в еле очнувшегося от страшной зимы городе странная мода. На груди почти каждого ленинградца появился неведомо откуда взявшийся жетон – маленькая жестяная ласточка с письмом в клюве. Эту ласточку носили все – мужчины, женщины, старики и дети. Это был вызов блокаде и как-то символизировал жажду связи и даже саму связь со всей страной.

Владимир ВОДЯНИЦКИЙ

